

Къ матеріаламъ для исторической топографіи Кіева.

Помѣщаемыя ниже воспоминанія о Кіевѣ, сообщающія очень много интересныхъ свѣдѣній о топографіи этого города въ началѣ 30-хъ годовъ прошлаго вѣка, принадлежатъ пору покойнаго кафедральнаго протоіерей Кіево-Софійскаго Собора *Петра Гавриловича Лебединцева*, скончавшагося 3-го декабря 1896 г. Онѣ сохранились въ *черновой* рукописи, писанной карандашемъ—собственноручно самимъ о. Петромъ Гавриловичемъ, и относятся, какъ видно изъ самой рукописи, къ 1893 г. или даже къ 1894 г. По мѣстамъ, рукопись эта имѣетъ небольшіе пробѣлы (преимущественно въ названіяхъ мѣстъ и т. п.), которыя современемъ авторъ намѣревался пополнить. Сохранилась она въ бумагахъ о. П. Г. Лебединцова, перешедшихъ къ племяннику его—Кіевскому протоіерю о. *Николаю Онуфріевичу Стасиневичу*, и симъ послѣднимъ передана намъ—для приготовленія къ печати. Къ сожалѣнію, рукопись оказалась неполною; но недостаетъ въ ней, по всей вѣроятности, не больше одного листа простой писчей бумаги (на каковой писана рукопись); а въ наличности такихъ листовъ семь.—Но несмотря на то, что рукопись—черновой и съ нѣкоторымъ дефектомъ, она будетъ имѣть большой интересъ для любителей исторіи роднаго Кіева, и читатели „Трудовъ Кіевской Духовной Академіи“ будутъ, вмѣстѣ съ нами, очень благодарны достопочтенному протоіерю Н. О. Стасиневичу за сохраненіе этой рукописи и за позволеніе обнародовать ее въ печати.

По мѣстамъ, мы снабжаемъ ее своими подстрочными примѣчаніями.

Явившись въ печати, нижепомѣщаемыя воспоминанія о Кіевѣ покойнаго П. Г. Лебединцева достойно и пріятно дополняютъ образъ этого достопамятнаго кіевлянина, такъ горячо любившаго Кіевъ и вообще свою родину—Малоросію и такъ много потрудившагося для ихъ исторіи... Не можемъ здѣсь кстати не высказать своего сожалѣнія, что многочисленныя историческія и другія сочиненія П. Г. Лебединцева доселѣ не собраны во едино и не изданы въ свѣтъ въ такомъ цѣльномъ видѣ. Такое полное изданіе ихъ очень много способствовало бы возвышенію уровня мѣстныхъ церковно историческихъ познаній среди возрастающаго поколѣнія. А то, разбросанныя въ разныхъ Кіевскихъ (отчасти—и не Кіевскихъ) изданіяхъ и не приведенныя въ систему, онѣ остаются почти мертвымъ капиталомъ для молодыхъ ученыхъ, занимающихся мѣстною исторіею, а чрезъ это оставляютъ въ неполной извѣстности и саму свѣтлую личность одного изъ наиболѣе трудолюбивыхъ и ревностныхъ работниковъ на нивѣ родной исторіи, несомнѣнно заслуживающаго глубокой благодарности отъ потомства за дѣятельную любовь свою къ родинѣ..

То, что говоримъ мы теперь о П. Г. Лебединцевѣ, можно отнести и къ нѣкоторымъ другимъ Кіевскимъ ученымъ-историкамъ, наприм. къ покойному профессору Кіевской д. Академіи *Ивану Игнатьевичу Малышевскому*. И его высокоцѣнные историческіе труды доселѣ остаются не собранными во едино, а потому и не имѣющими заслуженнаго вліянія и авторитета¹⁾.

¹⁾ Не говоримъ о живущихъ еще дѣятеляхъ мѣстной исторіи и археологій въ Кіевѣ. Но невольно навертывается мысль: неужели труды такого гиганта по части мѣстныхъ историко-литературныхъ и археологическихъ разслѣдованій, какъ досточтимѣйшій профессоръ *Николай Ивановичъ Петровъ*, тоже не будутъ когда нибудь собраны и изданы вмѣстѣ?...

Кому бы должна принадлежать забота о собраніи и изданіи въ полномъ видѣ трудовъ почившихъ достопамятныхъ Кіевскихъ историковъ? Несомнѣнно—Церковно-Историческому и Археологическому Обществу, существующему при Кіевской духовной Академіи. Такое участіе оно, помнится, приняло разъ при изданіи сочиненій извѣстнаго историка Малороссіи *Мих. Александр. Максимовича*. Къ сожалѣнію, это Общество не обладаетъ матеріальными средствами на столько, чтобы выполнять такую свою миссію. Какъ бы поэтому было хорошо, если бы положено было кѣмъ-либо при этомъ Обществѣ основаніе капиталу—для вышеозначенной благой и симпатичной цѣли! Неужели среди кіевлянъ оскудѣла любовь къ родной исторіи? Неужели они такъ таки и готовы забывать своихъ ученыхъ тружениковъ—дѣтисцевъ и не воздвигать имъ соответствующихъ памятниковъ?... Припоминается намъ при этомъ, что собраніе сочиненій одного изъ такихъ Кіевскихъ тружениковъ сдѣлалось предметомъ желанія и осуществилось *вне Кіева*—въ нашей сѣверной столицѣ. Мы говоримъ о сочиненіяхъ покойнаго бакалавра Кіевской д. Академіи *Евфима Мих. Крыжановскаго*, изданныхъ въ С.-Петербургѣ по настоянію и иждивеніемъ бывшаго Оберъ-Прокурора Св. Синода К. П. Побѣдоносцева. Итакъ, *вне Кіева* иногда думаютъ и заботятся о томъ, что должно составлять непремѣнный долгъ и кровный интересъ самого Кіева... Нормально ли это? И не грустно ли это? И не обидно ли это за кіевлянъ¹⁾)?...

¹⁾ Скажутъ: собраніе и изданіе трудовъ такихъ Кіевскихъ ученыхъ, какъ Лебединцевъ, Малышевскій и т. п.—*это дѣло ихъ наслѣдниковъ*. По—во-первыхъ—не всѣ наслѣдники находятся въ такомъ положеніи, какъ наслѣдники, напр., не такъ давно скончавшагося Кіевского протоіерея *Михаила Захар. Линчевскаго* († 18 ноября 1905 г.), издавшіе полное собраніе его сочиненій въ 2-хъ томахъ. А во вторыхъ, въ мѣстномъ историческомъ значеніи—сочиненіи о. М. З. Линчевскаго—это *какъ капля въ море* въ сравне-

Дай Богъ, дай Богъ, чтобы кіевляне наши дѣятельно позаботились о томъ, чтобы историческіе труды П. Г. Лебединцева и другихъ подобныхъ ему Кіевскихъ лѣтописцевъ, съ такою любовію изучавшихъ старину роднаго Кіева и края, не оставались подъ спудомъ!...

Л. С. М.

Кіевъ за 60 лѣтъ предъ симъ.

Родъ переходитъ и родъ приходитъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ забывается старина. Такъ и у насъ въ Кіевѣ приходится слышать уже не столько воспоминанія, сколько ужъ преданія о состояніи Кіева за полстолѣтія до нынѣшняго, причѣмъ нерѣдко эти преданія уже разнообразятся, измѣняются и спутываются. Проживъ въ Кіевѣ болѣе 60 лѣтъ и бывъ свидѣтелемъ его быстрого полного измѣненія во внѣшномъ ростѣ и благоустройствѣ, желаю бы и я предать потомству свои воспоминанія о томъ, чѣмъ былъ Кіевъ до 1833 года, въ которомъ прибылъ и на 14 году жизни для продолженія ученія ¹⁾).

Слѣдуя на родительской подводѣ по караванному тракту чрезъ с. Хотовъ мимо Теофаніи на почтовую Васильков-

ніи съ трудами П. Г. Лебединцева, Малышевскаго и другихъ кіевлянъ... А потому для изданія ихъ въ свѣтъ въ полномъ видѣ требуется непременно участіе ученыхъ историческихъ организацій... Желательно было бы, *по крайней мѣрѣ*, чтобы одна *библіографія* этихъ трудовъ заняла вниманіе Кіевскихъ Историческихъ Обществъ. Хорошо было бы привлечь къ библіографическимъ изысканіямъ подобнаго рода студентовъ Кіевской дух. Академіи.

¹⁾ Авторъ учился сначала въ духовномъ училищѣ въ м. *Богуславѣ* (недавно закрытомъ и переведенномъ въ Кіевъ—для соединенія съ Кіево-Подольскимъ духовнымъ училищемъ), а затѣмъ въ первыхъ числахъ Сентября 1833 г. прибылъ въ Кіевъ для поступленія въ Кіевскую духовную Семинарію.—Л. М.

скую дорогу, можно было видѣть по бокамъ ея поля, заповненныя пнями вырубленнаго, большею частію дубоваго лѣса и между ними порослями отъ этихъ корней. Нѣсколько полянъ было уже расчищено подъ пахоть, а на большей части трудились поселяне, выкорчевывая пни для расчистки поля. Проѣзжающія въ Кіевъ подводы воловыя и конныя располагались свободно между кустарниками, чтобы подкормить скотъ для предстоящаго по сыпучему песку проѣзда въ Кіевъ и въ самомъ Кіевѣ. На нынѣшнемъ предмѣстьѣ *Деміевкѣ* не было никакихъ построекъ и вся ея мѣстность состояла изъ сыпучаго песку, чрезъ который съ большимъ трудомъ двигались экипажи и возы. Вправо отъ проѣзжей дороги стояли у ручья военныя палатки, безводная мельница Кіево-Михайловскаго монастыря, и солдатики упражнялись въ барабанномъ боѣ. Плотина чрезъ рѣку *Лыбедь* задерживала большой прудъ на мѣстѣ нынѣшнихъ огородовъ. Предъ вѣздомъ на плотину кордонъ виннаго откупщика осматривалъ, нѣтъ ли водки въ подводахъ и экипажахъ, а за плотиною стояла караулка съ шлагбаумомъ, стоявшій у котораго часовой требовалъ, чтобы проѣзжающіе на почтовыхъ лошадяхъ и въ порядочныхъ экипажахъ заявляли свои виды въ караулкѣ. На Печерской горѣ виднѣлось къ югу городское кладбище, а къ востоку большое, красивое зданіе Инвалиднаго дома—съ церковью князя Прозоровскаго, обсаженное тополями. По горѣ производилась ломка хатъ и домиковъ, приходившихся подъ выстрѣлы начатой уже постройкой новой крѣпости, которая должна была окружить Печерскую часть Кіева. На всемъ протяженіи Лыбеди отъ Васильковской плотины до самой дер. *Шуляки*, принадлежавшей Софійскому Митропол. дому, не было еще никакихъ строеній, кромѣ дома купца А. Барскаго, вблизи бывшей конной площади и нѣсколькихъ при ней избъ для помѣщенія солдатской швальни. Лыбедь пересѣкалась двумя

греблями ¹⁾ съ мельничками при нихъ, принадлежавшими тоже Митропол. дому—противъ нынѣшней Паньков. улицы и Кадетскаго корпуса. Вся эта мѣстность была безлюдная, а параллельно Лыбеди тянулись по сыпучему песку нынѣшней Васильковской улицы подводы къ Подольскому базару. Пески простирались вплоть до нынѣшней Бессарабской площади, на южной половинѣ которой былъ конный почтовый дворъ. *Бессарабка* была окраина г. Кіева—подобно тому, какъ Бессарабская область составляла окраину Кіевской Украины, служившую тогда мѣстомъ для укрывательства бѣглыхъ помещичьихъ крестьянъ. На Кіевской Бессарабкѣ въ нѣсколькихъ пачужкахъ подъ горой тоже собиралась всякая бродячая вольница, отчего произошло и названіе этой мѣстности.

Впрочемъ, выѣжая въ 1 й разъ въ Кіевъ, мы направлялись не по этому, тяжелому для сельскихъ коней пути, а чрезъ Печерскую Гору и Печерскую часть Кіева—по прямой, нынѣ забытой дорогѣ отъ Васильковской заставы, мимо Прозоровской богадѣльни на Московскую улицу. Западная часть Печерска состояла тогда изъ нѣсколькихъ улицъ на мѣстности отъ круглой крѣпостной башни, занимаемой нынѣ военной площадью, военными складами и Военнымъ госпиталемъ; одна изъ этихъ улицъ занята была дворами кузнецовъ съ кузницами при нихъ. У Печерскаго, тогда весьма бойкаго базара, строилась уже *Ольминская церковь*, а противъ начала Московской улицы начинали помять стоявшую здѣсь на краю Экспланадной площади деревянную *Князе Владимірскую церковь*, настоятелемъ которой былъ Профессоръ Кіевской Д. Академіи протогереѣ *І. Сковорцевъ* ²⁾ Главными арте-

¹⁾ *Гребля*—моторусское слово—значить *мостъ* чрезъ рѣку.

²⁾ Впоследствии кафедральный протогереѣ Кіево-Софійскаго собора, скончавшійся 5 Августа 1863 г. Настоятелемъ Князе-Владимірской церкви о. І. М. Сковорцевъ былъ со времени своего посвященія въ санъ священника—съ 1820 г.—Впоследствии эта церковь была перенесена въ Лыбедскую часть г. Кіева—Д. М.

ріями Печерской части были тогда *Московская* и *Никольская* улицы. лучшіе магазины съ галантерейными товарами и матеріями были тогда на этихъ двухъ улицахъ и главнымъ образомъ въ лавкахъ Никольскаго монастыря; на Московской улицѣ, кромѣ лавокъ съ галантерейными и бакалейными товарами, помѣщались мастера—часовщики, портные, модные магазины и проч. За сѣвѣрной линіей Московской улицы—по *Кловскому оврагу*, среди зеленѣющихъ садовъ, жили въ деревянныхъ одноэтажныхъ домахъ Печерскіе купцы. Отдѣлявшій ихъ отъ Московской улицы участокъ назывался *Крестами*. Лучшіе дома Печерска заняты были высшими военными чинами и ихъ штабами. По Печерскимъ улицамъ съ утра раннего и вечеромъ шагали, кромѣ военныхъ чиновъ всякаго оружія, роты арестантовъ въ цѣпяхъ на ногахъ, такъ называемыя *каторжныя*, которыя помѣщены были въ оградѣ Большаго Кіево-Никольскаго монастыря для исполненія работъ по постройкѣ Печерской крѣпости; видъ ихъ и звуки цѣпей производили тяжелое впечатлѣніе...

Соединеніе улицъ Никольской и Московской простѣкалось оврагомъ у нынѣшнихъ Никольскихъ крѣпостныхъ воротъ, а на сѣвѣрной сторонѣ Кловскаго оврага стоялъ каменный двухъэтажный домъ *Семенюты*—съ прекраснымъ садомъ, къ которому спускался по краю оврага подъѣздъ, обсаженный тополями.

Хотя Печерскъ занятъ былъ тогда болѣе культурнымъ населеніемъ, но состоялъ изъ домовъ простой архитектуры, не великихъ по размѣру и большею частію деревянныхъ, одноэтажныхъ и крытыхъ тесомъ или дранью. Особенно выдающимся изъ нихъ были на *Экспланаціонной* улицѣ домъ *Нусмана*—каменный въ два этажа, и *Лавская Зеленая гостиница*, такъ названная по своей желѣзной, въ зеленый цвѣтъ окрашенной крышѣ, и на Никольской улицѣ—противъ Малаго Николая домъ *Князя Инсильантія*, подаренный имъ

Лавръ (деревянный на нижнемъ каменномъ этажѣ) и такой же домъ съ колоннами и балкономъ *Иванскаю* на углу Экспланадной и улицы, существующіе донынѣ. Въ концѣ Никольской улицы—на восточной ея сторонѣ 'былъ одноэтажный каменный домъ съ аптекой и бакалейнымъ магазиномъ—*Эйсмана*.

На мѣстѣ нынѣшнихъ Никольскихъ крѣпостныхъ воротъ былъ земляной перешеекъ, съ котораго начинался Кловскій оврагъ, на сѣверной сторонѣ котораго здѣсь же у перешейка стоялъ красивой архитектуры двухъэтажный домъ *Семенюты* (вышеупомянутый), къ которому спускалась по окраинѣ въ видѣ взвоза дорога, обсаженная тополями; за домомъ былъ большой садъ, гдѣ нынѣ *итомники Дружинина*.

По Московской улицѣ мы слѣдовали чрезъ перешеекъ въ отдѣльную часть, называемую „Липки“. Расположеніе улицъ этой части тоже, что и нынѣ, кромѣ восточной мѣстности, находящейся нынѣ между дворцомъ и Никольск. воротами. На этой мѣстности, гдѣ нынѣ скверъ, стояло большое двухъэтажное зданіе *Губернскихъ присутственныхъ мѣстъ*, обращенное фасадомъ къ сѣверу, а передъ нимъ въ видѣ большого квадрата *Парадная площадь*, обсаженная тополями, чрезъ которую никто не смѣлъ ни ѣздить, ни ходить. А вокругъ ея шли двѣ дороги—одна отъ перешейка по восточной и сѣверной сторонѣ—мимо нынѣшняго дворца, а другая—по фронту Присутственныхъ мѣстъ на ту же Александровскую улицу. Во дворѣ сгорѣвшаго Императорскаго дворца оставались по обѣ стороны воротъ тѣ же флигеля, что и нынѣ и б. нижній этажъ дворца, въ которомъ помѣщался баталіонъ сначала военныхъ кантонистовъ, а потомъ заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ. Изъ домовъ на прочихъ улицахъ въ Липкахъ болѣе значительными были тогда—существующіе нынѣ на Екатерининской улицѣ *Губернаторскій домъ*, построенный для М. М. Сперанскаго

(графа), имѣвшаго здѣсь поселиться, , нынѣ *Альперина*,—*Иваненка*—противъ Губернаторскаго дома, и домъ Кіевскаго женскаго духовнаго училища, гдѣ была прежде Кіевская гимназія; по Левашевской улицѣ—домъ Генераль-Губернатора и противъ него домъ генерала *Рынинскаго*, гдѣ нынѣ домъ *Гессе*; по Лютеранской улицѣ домъ Пастора, а противъ деревянной кирхи, сада Губернск. Присутств. мѣстѣ, гдѣ нынѣ дворъ командующаго войсками и училище слѣбныхъ, двухъэтажный каменный домъ *Карти*, съ колоннами, въ которомъ открытъ былъ въ 1834 г. Университетъ св. Владимира, и сада его два каменныхъ флигеля. За дворомъ Кіевск. женск. дух. училища не было никакихъ построекъ—по нынѣшней Шелков. улицѣ, а равно не было домовъ никакихъ по Левашевской ул., за домомъ Генераль-Губернаторскимъ: все это пространство представляло липовую рощу, доходившую до Лютеранской кирхи и дома Пастора, единственнаго тогда на Лютеранской улицѣ. На углу Садовой и Александровской улицъ стоялъ сохраняющійся до нынѣ ветхій домъ *Голубцова* съ садомъ, нынѣ графа Браницкаго. По Институтской улицѣ, на мѣстѣ зданія нынѣшняго Института, стоялъ черный срубъ опустѣлаго двухъэтажнаго деревяннаго дома, бывшаго *генерала Бяничева*. Вся прочая часть отъ генераль-губернаторск. дома внизъ до Крепачика по обѣ стороны Институтск. улицы была свободною отъ построекъ.

Царскій садъ, съ его роскошною растительностію, содержался въ образцовой чистотѣ и порядкѣ, наполняясь съ утра до вечера избранной публикой, находившей здѣсь отдохъ и прохладу подъ тѣнію высокихъ липъ и кленовъ; никакихъ потныхъ оргій и ночныхъ гуляній съ бураками, ракетами и феерверками здѣсь не было, какъ нѣтъ ихъ въ Берлинѣ и Дрезденѣ. Садъ служилъ для удовольствія городской публики, а не для извлеченія доходовъ городскихъ

отъ разныхъ вертеповъ. Главными мѣстами для прогулокъ публики служили нагорныя части сада съ великолѣпными видами на Днѣпръ, которыя Императрица Екатерина назвала „во истину восхитительными“; а въ низменной сырой части, гдѣ теперь *Шато-де-флеръ* со всякой штукой, была густая чаща деревь, украшавшая прудъ или бассейнъ, въ который собирались дождевыя воды и ключи горы, и масса всякихъ пѣвчихъ птицъ. Никакихъ обводовъ и сплзовъ горы тогда не было; они начали образовываться только послѣ того, какъ внизу горы устроились кирпичные заводы, а въ саду уничтоженъ бассейнъ, и ключевыя воды, прежде собиравшіяся въ немъ и испарявшіяся, стали искать себѣ выхода въ подпочвенныхъ слояхъ, производя движеніе почвы, а хозяева нашего города устранили себя отъ всякаго пощенія о Городекомъ садѣ, сдавъ его въ аренду лицамъ, заботящимся только о своемъ *Шато*.

Отъ Царскаго сада и по спуску съ Крещатика на Подолъ начиналась и продолжалась улица, называвшаяся въ народѣ „мостовою“—потому, что только она одна была вымощена камнемъ до подѣзда къ *Контрактовому дому*; дальше Контрактоваго дома были остатки деревянныхъ мостовыхъ по улицѣ *Хоревой* и по промежуточной между ею и *Спаской*—мимо Воскресенской церкви и стоявшимъ предъ нею зданіемъ *Городской Ратуши*. Здѣсь на Хоревой улицѣ заквартировали мы временно, до переѣзда на 3 й день за Канаву, на *Рыбальскую* улицу, на которой въ домикъ вдовы мѣщанки нашъ отецъ помѣстилъ меня и брата на квартиру за условленную плату. Въ первые же дни мы должны были явиться въ Семинарію для сдачи вступительнаго экзамена ¹⁾. Къ

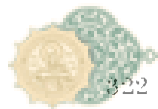
¹⁾ Авторъ пріѣхалъ въ Кіевъ—для поступленія въ Семинарію—вмѣстѣ съ братомъ своимъ *Арсеніемъ Гавриловичемъ* (впосл. кафедральнымъ протоіереемъ въ Одессѣ, † 20 февр. 1898 г.).

стасію оны продолжался всего нѣсколько часовъ— 2 часа утромъ и 2 часа послѣ обѣда, а на другой день мы объявлены были уже принятыми въ классъ риторики, или низшее отдѣленіе Семинаріи.

Слѣдующій затѣмъ день былъ посвященъ молитвѣ въ Лаврѣ и въ ея пещерахъ, куда путешествовали мы съ родителемъ нашимъ тѣмъ же путемъ, которымъ за три предъ тѣмъ дни проѣзжали съ Печерска на Подольскъ. При приближеніи къ Св. воротамъ Лавры меня поражали въ особенности стоявшія вокругъ Арсенала массы бомбъ и ядеръ огромнаго размѣра и пирамиды изъ пупекъ съ орлами вверху и съ надписями, что оны взяты у турокъ при взятіи крѣпости Варны Шумлы или Силистріи въ 1828—9 году. Эта военная добыча красовалась здѣсь до 1853 года, а въ Севастопольскую войну 1853—1856 гг. почти весь этотъ боевой матеріалъ увезенъ изъ Кіева, и только недавно поставленъ, но сравнительно въ весьма меньшемъ количествѣ.—Внутренній дворъ Лавры почти не измѣнился противъ нынѣшняго его состоянія; только площадь его не была заграждена полисадниками. Отъ Св. воротъ къ великой церкви велъ мостокъ изъ деревянныхъ досокъ, а въ полисадникахъ предъ келіями Лаврскихъ старцевъ высоко подымались орѣховыя деревья съ длинными вѣтвями, въ которыхъ видѣлись сотни орѣховъ; на ставняхъ оконъ и на дверяхъ келій видѣлись разныя изображенія изъ житій святыхъ и притчи, написанныя масляными красками. Высота колокольни, золотые купола Лаврскаго собора, часы на площадкѣ предъ колокольною, громадность собора, величественный иконостасъ, гробницы съ мощами святыхъ, впервые видѣнные нами, множе-

Оба брата—Арсеній и Петръ—шли въ одномъ курсѣ: вмѣстѣ окончили курсъ Кіевской дух. Семинаріи—въ 1839 г.; вмѣстѣ же—и Кіевской дух. Академіи—въ 1843 г.—оба со степенью магистра.—И. М.

ство богомольцевъ и монашествующихъ, массивныя свѣчи предъ иконами и богатые оклады иконъ, торжественные звуки Лаврскаго напѣва,—все это поражало насъ въ этомъ храмѣ послѣ убожества, видѣннаго нами доселѣ въ сельскихъ церквахъ. Еще сильнѣе было впечатлѣніе на наши дѣтскія души отъ посѣщенія пещеръ; намъ казалось, что мы находимся въ другомъ какомъ-то мірѣ, далекомъ отъ оставленнаго нами на поверхности земли; неземны тогда были наши мысли и чувства, устремляясь то въ темную даль прошедшаго и будущаго, то въ міръ высшій, куда переселились души святыхъ, почивающихъ въ этихъ гробницахъ. Но выходѣ изъ пещеръ отрадно было взглянуть и на Дѣлпръ, видъ на который еще не огражденъ былъ крѣпостною стѣною съ амбразурами. Непріятно было только зрѣлище множества нищихъ съ искалѣченными членами и красными лицами, которые, располагаясь по ступенямъ длинныхъ крытыхъ галлерей, соединяющихъ ближнія пещеры съ дальними, оглушали громкими заученными мѣстными фразами о пособіи, протягивая руки свои къ проходящимъ.—Великолѣпныхъ нынѣ зданій Лаврской гостиницы тогда еще не было; существовать только одинъ двухъэтажный корпусъ у воротъ, но и тотъ былъ занятъ не богомольцами, а политическими преступниками изъ поляковъ, выглядывавшими на богомольцевъ изъ-за оконныхъ рѣшетокъ ¹⁾. Пріѣзжіе богомольцы въ то время расквартировывались у жителей Печерска преимущественно по Экспланадной улицѣ и въ Зеленой Лаврской гостиницѣ—на Московской улицѣ, доставляя значительный доходъ печерскимъ жителямъ. Ни иконныхъ, ни бакладейныхъ, ни другихъ какихъ-либо лавокъ, кромѣ книжной, не было еще ни при Лаврѣ, ни при Печерскихъ церквахъ.

¹⁾ Это было недавно послѣ Польскаго возстанія въ 1830—1831 г.г.

При выходѣ изъ крѣпостныхъ валовъ, окружающихъ Лавру, нельзя было не залюбоваться на *Экспланадную площадь*, обсаженную тополями по окраинамъ прилегающихъ улицъ, которая зеленѣла на всемъ пространствѣ отъ дороги въ Лавру до нынѣшняго Юнкерскаго училища, построеннаго на мѣстѣ *Лаврскаго конюшеннаго двора*. Эту площадь съ ея деревьями берегли также тщательно, какъ и плацъ-парадную площадь въ Липкахъ предъ присутственными мѣстами. Впослѣдствіи мнѣ приходилось видѣть на плацъ-парадной площади праздничные парады войскъ, на которые выезжалъ фельдмаршалъ, графъ Ф. В. Сакенъ со всемъ штабомъ 1-й арміи¹⁾, а одинъ разъ и съ турецкимъ посольствомъ; а на Экспланадной площади имѣлъ я счастье съ прочими киевлянами видѣть, какъ Императоръ Николай Павловичъ, сѣвъ на коня на мѣстѣ нынѣшней печерской гимназіи, орломъ проносился, при звукахъ музыки и крикахъ ура, по длинному фронту войскъ, стѣною стоявшихъ предъ валами отъ этого мѣста до зданія нынѣшняго Юнкерскаго училища; многочисленная и блестящая свита слѣдовала за нимъ верхами, и все покрывалъ звонкій голосъ, которымъ Государь здоровался съ войсками. По окончаніи объѣзда Государь съ свитой останавливался на мѣстѣ стоящаго нынѣ Скаковаго павильона и предъ нимъ проходилъ весь корпусъ пѣхотныхъ войскъ то шагомъ, то бѣгомъ, а кавалерія и вскачь; въ заключеніе двигалась артилерія. Площадь окружали массы

¹⁾ Графъ *Фабіанъ Вильгельмовичъ Остенъ-Сакенъ*, главнокомандующій 1-го армейскаго корпуса, стоявшаго въ Кіевѣ—былъ въ большихъ дружельскихъ отношеніяхъ съ тогдашнимъ Кіевскимъ Митрополитомъ *Евгеніемъ* и, по его приглашенію, неоднократно присутствовалъ на публичныхъ экзаменахъ въ Кіевской дух. Академіи. Сконч. онъ въ Кіевѣ—18 Апр. 1837 г. на 83 году своей боевой жизни.—Л. М.

публики и экипажей по всей Экспланадной улицѣ.—Фельд-маршалъ Сакенъ выѣзжалъ на плацъ-парадъ въ открытой коляскѣ на четверикѣ вороныхъ лошадей цугомъ, имѣя сзади экипажа верхами офицера и за нимъ два въ рядъ унтеръ-уфицера и рядового изъ жандармовъ съ поднятыми вверхъ саблями на голо. Глубокая старица *Е. Зуева*, имѣвшая 14 лѣтъ отъ роду въ проѣздъ Императрицы Екатерины въ Кіевъ въ 1786 году, передавала мнѣ, что подобный кортежъ имѣлъ кіевскій митрополитъ, слѣдуя изъ Софійскаго митрополичьяго дома для богослуженія въ Лавру, только вершники скакали впереди экипажа въ стихаряхъ, средній съ крестомъ на длинной рукояткѣ, а два по сторонамъ его, тоже въ стихаряхъ, съ золотыми рипидами въ рукахъ. Нѣчто подобное сохраняютъ и нынѣ армянскій католикосъ—патріархъ, предъ которымъ и въ недавній пріѣздъ его въ Россію слѣдовалъ впереди по улицамъ діаконъ въ стихарѣ съ крестомъ. Впрочемъ спутникъ Антіохійскаго патріарха Макарія діаконъ Навелъ, бывшій въ Кіевѣ въ 1653 году, видѣлъ, что митрополита кіевскаго *Симвестра Коссови*, когда онъ ѣхалъ въ Лавру отдать визитъ патріарху, сопровождали верхами служители впереди и сзади его кареты на красивыхъ лошадяхъ и въ богатыхъ одеждахъ, при сабляхъ и пистолетахъ.

Трехъ-этажное зданіе Семинаріи, въ которую поступилъ я съ братомъ, построенное въ 1830 году и на первый разъ обращенное въ холерную городскую больницу, принято обратно въ учебное вѣдомство только за годъ предъ тѣмъ по тщательномъ отремонтированіи, и потому находилось въ отличномъ порядкѣ, чистотѣ и свѣжести. Въ юго-западномъ углу двора находилось два деревянныхъ флигеля съ садомъ, изъ которыхъ въ одномъ жилъ экономъ семинаріи *Бачинскій*, а въ другомъ доживалъ свой вѣкъ, по болѣзни, греческій архимандритъ *Кириллъ*, послѣдній настоятель существова-

вшаго здѣсь греческаго Петро-Павловскаго монастыря ¹⁾. Освоившись нѣсколько съ своимъ положеніемъ и обязанностями семинарскими, — въ свободное отъ учебныхъ занятій время и вскорѣ обозрѣли весь Подолъ. Канавой, проходившей отъ Кудрявской горы до берега Днѣпра, онъ раздѣлялся на двѣ половины, весьма различныя по своему устройству. Первая половина Подола отъ Александровскаго спуска по Канаву была уже раздѣлена на правильные кварталы и прорѣзана прямыми улицами, существующими нынѣ; а другая — заканавная часть состояла изъ огородовъ и садовъ, въ которые врѣзывались только двѣ улицы: *Кирилловская* — въ направленіи отъ семинаріи до дома Романовскаго, и другая — отъ Контрактоваго дома не далѣе одного квартала за Канавой. Отъ *Введенской* улицы, проходившей косою линіей къ Оболони, шли двѣ улицы кривыя: вправо къ Днѣпру — *Рыбальская*, а влѣво — къ Царе Константиновской церкви — извилистая, называвшаяся „*Волосскою*“. Улицы, прилегавшія къ Канавѣ, назывались по бывшимъ здѣсь прежде крѣпостнымъ валамъ: южная — *Вышнимъ Валомъ*, и сѣверная — *Нижнимъ Валомъ*.

¹⁾ Мѣстность, которую занимала тогда Киевская дух. Семинарія (нынѣ занимаетъ ее Кіево-Подольское дух. училище), замѣчательна въ историч. отношеніи. До присоединенія Кіева къ Россіи здѣсь былъ католическій монастырь — *доминиканскій*. При *Петрѣ Великомъ* — здѣсь основанъ былъ православный *Петро-Павловскій* монастырь, закрытый въ 1786 г. Въ 1787 г. здѣсь помѣстился греческій монастырь. Въ 1828 г. этотъ послѣдній монастырь переведенъ къ церкви Св. Екатерины (возлѣ Братскаго м — ря), и здѣсь въ это время начали строить зданіе для Киевской дух. Семинаріи, въ каковое она и переведена въ 1832 г., а доселѣ она въ 1819 г. помѣщалась надъ Днѣпромъ, въ зданіи бывшаго Кіево-Подольскаго дух. училища и съ послѣднимъ составляла *одно цѣлое*, замѣнившее въ учебно-образовательномъ отношеніи *старую Кіевскую Академію*... Н. М.

Первая часть Подола по Канаву была уже довольно благоустроена: хотя вымощена была одна Александровская улица, но на всѣхъ улицахъ были уже тротуары, а главныя улицы—*Александровская, Братская, Борисо-Гмбская* и *Ильинская* были, кромѣ того, обсажены рябиновыми деревьями, которые въ осеннее время цвѣтомъ своихъ ягодъ давали красивый видъ. Но набережной никакой не было, а окраины Днѣпра были завалены навозомъ, хотя по нимъ еще не было деревянныхъ складовъ. Подлѣ дворовъ по окраинамъ Канавы тротуаровъ не было. По обѣ стороны Канавы отъ Житняго базара стояли лавочки, въ родѣ сарайчиковъ, въ которыхъ продавались мука, крупа, повозки, колеса, деревянная и горшечная посуда; а въ Канаву вадили смѣть и всякіе отбросы изъ лавокъ. Мостовъ по Канавѣ было меньше, чѣмъ улицъ, а для учащеннаго перехода чрезъ Канаву были перекинуты чрезъ нее длинныя и толстыя дубовыя брусья, по два вмѣстѣ и по одному, по которымъ шагали пѣшеходы съ опасностью свалиться въ Канаву. Въ благоустроенный видъ привелъ Канаву уже графъ Левашевъ: по его распоряженію всѣ лавочки были спесены, Канава выправлена и вычищена и обложена по стѣнкамъ дерномъ; построены новыя хорошіе мосты на каменныхъ устояхъ, и по обѣ ея стороны отъ Житняго базара до Днѣпра устроенъ бульваръ, обсаженный тѣнистыми деревьями, вслѣдствіе чего обочины прежде вонючей Канавы стали излюбленнымъ мѣстомъ для гулянья Подольской публики. Но по улицамъ, проходившимъ за Канавой, начега не было, кромѣ пыли и невылазимои грязи, въ особенности по узкимъ улицамъ Волосской и Рыбальской. По краю улицы положены были лишь дубовыя пластины, по которымъ приходилось пробираться вдоль заборовъ, за исключеніемъ перерывовъ предъ въѣздами въ дворы, гдѣ нужно было погружаться чуть не по колѣни въ мѣсиво болота. Впрочемъ таже судьба пѣшеходовъ была на переходахъ чрезъ улицы и въ благоустроен-

ной части Подола. Мостовыми стать обзаводиться Кіевъ лишь около 1850 г. Нѣтъ нужды упоминать о тошкоти грязи на Житнемъ базарѣ, тоже не мощеномъ, и по улицамъ Царе-Константиновской, Кожемяцкой и Глубочицкой. На послѣдней, въ распутицу, совсѣмъ прекращался проѣздъ даже на воловыхъ подводахъ.

Подлѣ Христо-Рождественской церкви оставалось какое-то устье въ видѣ затока Днѣпра, въ которое причаливали лодки съ дровами и сѣномъ и съ разными продуктами. Вѣроятно это былъ остатокъ *Почайны*, въ который въ давнее время входили, какъ въ гавань, и большіе суда. Дальше по берегу къ колоннѣ св. Владиміра шла линія кузницъ городскихъ. На другомъ концѣ кіевского берега Днѣпра, къ Оболонью, противъ Капавы, былъ другой большій причалъ для судовъ съ дровами, лѣсомъ, мѣломъ и сѣномъ, между Подоломъ и островомъ, образованнымъ отмелями Днѣпра, на который перегоняли лошадей для выпаса. По Андреевской и Михайловской горамъ, вершины которыхъ тогда еще не были обнажены, виднѣлись хатки бѣдныхъ жителей, къ которымъ былъ доступъ только пѣшеходамъ.

Лучшими домами на Подолѣ тогда были дома духовно-учебныхъ заведеній. Семинарія—по Кирилловской улицѣ, нынѣ разширенная вдвое,—Академія въ Братскомъ монастырѣ, и Кіево-Подольское училище или *бурса* на берегу Днѣпра—и Контрактовый домъ. Старый Академическій корпусъ украшала тогда съ южной стороны колоннада Тосканскаго ордена, къ сожалѣнію задѣланная въ 1866 г. при ректорѣ Академіи, архим. Филаретѣ ¹⁾. Наискось отъ бурсы

¹⁾ Странный и непонятный былъ этотъ поступокъ ректора Филарета. Онъ такъ, повидимому, любилъ старину, особенно же Академическую... И чтоже? При Кіевской Академіи онъ открылъ *Музей древностей*, а безъ раздумья уничтожилъ *живой памятникъ* Академической старины—живописную галерею въ Старомъ Кор-

стояла, на самомъ обрывѣ Набережной, каменная бурсацкая кухня, изъ которой носили въ ушатахъ пищу ученикамъ училища, а ниже этой кухни на берегу Днѣпра торчали изъ воды сваи бывшей здѣсь водяной мельницы. Лучшими по постройкѣ были каменные двухъэтажные дома *Ивани Филиппа* на углу Андреевскаго спуска и Александровской площади, брата его... *Лакерды*, нынѣ Покровскаго, *Коробли* по Александровской площади, *Аббакумъва*—противъ Успенской церкви, и бывшаго войта *Кисилевскаго* подлѣ Контрактоваго дома. Больше древними считались: домъ Народнаго училища на углу Кирпилловской и Хоревой улицъ, въ которомъ по преданію останавливался Императоръ Петръ I и *Артемилгинъ* домъ-каменница подъ черепичною кровлею съ желѣзными дверьми и желѣзными ставнями въ нижнемъ этажѣ, на пояскомъ карнизѣ котораго росъ кустъ красной смородины. Ходила молва, что это—домъ родителей св. Димитрія Ростовскаго, но безъ основанія, такъ какъ ихъ домъ былъ противъ южной стороны Притиско-Николаевской

пушѣ, столь дорогую по воспоминаніямъ для кіевлянъ... Она такъ рельефно выдавалась на прежнихъ литограф. снимкахъ Кіевской Академіи!.. Многіе Кіевляне негодовали за это на Фичарета... Вотъ что говоритъ одинъ изъ нихъ: „...Въ ожиданіи начала всенощной въ Конгрегац. церкви собирающіеся богомольцы прохаживаются, бывало, по величественной галлерей 2-го этажа зданія Академіи, увы! обращенной *вандализмомъ одного изъ позднѣйшихъ ректоровъ* въ доополнительную библіотечную залу съ закрытіемъ грубыми казарменными стѣнами чудныхъ колоннъ, убравшихъ это зданіе... О, живо помню эту длиннѣйшую и пирочайшую галлерей, въ чудныя сентябрскія вечернія минуты представлявшую величественную картину, способную вызывать нѣчто возвышенное въ чувствѣ человѣка, охваченнаго величественнымъ просторомъ этой чудной коллонады, особенно въ эти наступившіе сумерки осенняго вечера“... См. *Русскій Архивъ*—1899 г., кн. 4-я. „Воспоминанія Н. Д. Богатинова“—стр. 666-я.—Л. М.

церкви. Достоверно только, что *Артемеха* была кievская горожанка, славившая въ началѣ нынѣшняго (XIX) столѣтія искусствомъ готовить лучшія фруктовыя варенья. Между Контрактнымъ домомъ и южною частію Семинарскаго двора, предъ домомъ *Балабухи*, находился „Обжорный рядъ“, огороженный драницами и заключавшій въ себѣ цѣлые ряды мелкихъ лавочекъ и навѣсовъ, въ которыхъ и передъ которыми на столахъ продавались разные съѣстные припасы горячіе и холодные, жареные и вареные, борщъ и каша въ горшкахъ, окутанныхъ тряпками; были и печурки въ землѣ, въ которыхъ пекли горячіе блины. Здѣсь на открытомъ воздухѣ, иногда—въ морозъ, располагались брадобрѣи брить крестьянъ и отставныхъ солдатъ, у которыхъ въ отставкахъ тогда прописывалось особымъ пунктомъ: „бороду брить, по міру не ходить“. Невыразимый гамъ и шумъ дѣли въ этомъ дворѣ среди публики, утопавшей въ грязной почвѣ. На площади предъ Обжорнымъ рядомъ чинно рядомъ возсѣдали мѣнялы передъ крашенными въ зеленую краску столпками, на которыхъ видѣлись сложенные въ видѣ небольшихъ столбиковъ серебряныя рубли—*карбованцы*,—пятаки и разная мелкая серебрянная и мѣдная монета для размѣна на ассигнаціи—синія, красныя и бѣлыя. На иныхъ столбикахъ видѣлись и правильныя кучки червонцевъ, но больше ихъ держали мѣнялы предъ собою въ ящикахъ столовъ. Остальная часть площади оставалась свободною и на ней нерѣдко происходило ученіе и смотръ солдатъ. Изъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній на Подолѣ были только: 1) дворянское уѣздное училище—подлѣ Семинаріи, на углу Хоревой и Кирилловской улицъ, въ которомъ—съ титуломъ штатнаго смотрителя—начальствовалъ старѣйшій изъ кievскихъ педагоговъ *Иванъ Трофимовичъ Козачинскій*, праздновавшій чрезъ 10 лѣтъ 50-лѣтіе своей дѣятельности для просвѣщенія Кіева, начатой въ концѣ 18-го вѣка; 2) народное приходское мужское и женское училище—на про-

тивопожномъ углу (въ Петровскомъ домѣ), гдѣ учительствовала почти ровесница Козачинскаго—*Журбовская*, и 3) частный женскій съ 7-ми лѣтнимъ курсомъ пансіонъ г-жи ..., подлѣ Флоровской колокольни.

Такъ какъ при ректорѣ Семинаріи Іустинѣ ¹⁾ хожденіе на богослуженіе въ Семинарскую Петро-Павловскую церковь было обязательнымъ только для казенно-коштныхъ учениковъ Семинаріи, то, пользуясь этою льготой, я по воскресеньямъ старался побывать на богослуженіи по-очередно почти во всѣхъ церквахъ Подола, въ которыхъ службы, безъ хора пѣвчихъ, ничѣмъ не отличались отъ службъ въ сельскихъ церквахъ. Потому чаще всего посѣщаль я службы въ Братскомъ монастырѣ, гдѣ тогда ректорствовалъ и ораторствовалъ знаменитый *Иннокентій* (Борисовъ) и пѣлъ прекрасный хоръ Академическій, въ которомъ славились голосами студенты *Бобинъ* (басъ) и *Луцискій* (теноръ) ²⁾, а диаконствовали при служеніи Иннокентія—*Димитрій* (впослѣдствіи Одесскій Архіепископъ), *Евсевій* (впослѣдствіи Экзархъ Грузіи) и *Серафимъ* (впослѣдствіи Архіепископъ Воронежскій). Въ особенности интересны были для молодежи всенощны въ Конгрегаціонной (Академической) церкви, въ которую проходили по парадной лѣстницѣ, мимо зала по открытой галлерей. Всенощныя здѣсь ежегодно совершались въ теченіе сентября и до 22 октября, начпнаясь въ 7 часовъ вечера послѣ трехъ ударовъ въ большой колоколъ; а съ колокольнымъ звономъ совершались заутрени въ большой монастырской церкви въ 2 и 3 часа ночи.

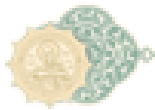
¹⁾ Архим. *Іустинъ Михайловъ*, магистръ 1-го курса Киевской дух. Академіи, впосл. Епископъ Владимірскій, былъ ректоромъ Киевской Семинаріи съ 1828 г. по 1834 г.

²⁾ Отецъ нынѣшняго профессора Киевскаго университета *Ивана Вас. Луцкаго*.

Въ одинъ изъ воскресныхъ дней я рѣшился пробраться на Старо-Кіевскую гору къ той церкви, которая видѣлась мнѣ съ Подола своими 11 ю куполами, частію сплошь золотыми, а частію раззолоченными въ формѣ звѣздъ. Путь свой направилъ я не по Андреевской горѣ, а прямокомъ чрезъ *Гончарѣй*, поднявшись на Софійскую гору. Къ прискорбію моему оказалось, что тропинка изъ Гончарей оканчивалась при вершинѣ горы плетнемъ. Осмотрѣвши съ плетни нагорную мѣстность и примѣтивъ, что и прочіе дворы, вплоть до ограды многоглавной церкви, были огорожены плетнями, я продолжалъ свой прямой путь, перелѣзая чрезъ плетни нѣсколько дворовъ, къ чему не встрѣтилось особыхъ препятствій ни со стороны моей, ни со стороны домовладѣльцевъ этой малолюдной тогда и бѣдной части города. Наконецъ, пробравшись *по узѣмкѣ* (т. е. *ползкомъ*) подлѣ каменной высокой ограды, попалъ я въ церковь которая поразила меня своею обширностію, множествомъ священныхъ изображеній на стѣнахъ и видомъ съ хоръ внизъ гдѣ сновали богомольцы. Благоговѣйный страхъ обнилъ меня, хотя мнѣ еще не извѣстны были судьбы этого храма, въ которомъ потомъ спустя 35 лѣтъ пришлось мнѣ послужить многіе годы. Иконостасъ роскошный простирался до арки свода, скрывая за собою алтарныя мозаики и мозаическую картину Благословенія на 2-хъ олтарныхъ столбахъ. Плотно при стѣнахъ, въ разныхъ мѣстахъ нижней части, стояли рѣзанные, довольно обветшавшіе кіоты съ иконами внутри ихъ; надъ мощами св. Макарія былъ большой балдахинъ на столбахъ, у правой стѣны Михайловскаго придела; надъ нижними арками по стѣнамъ были изображенія вселенскихъ соборовъ.—Когда все это я обозрѣвалъ, до благовѣста на Литургію, вдругъ раздался сильный, дотошъ не слышанный мною звонъ во всѣ колокола; сказали, что идетъ въ соборъ митрополитъ Евгений, и я кинулся съ хоръ внизъ по лѣстницѣ, но оказалось, что митрополитъ проѣхалъ мимо собора—служить

литургію въ Андреевскую церковь. Въ послѣдствіи, въ лѣтнее время, я не разъ обозрѣвалъ Старый Кіевъ и его окрестность въ свободное отъ ученія время и любилъ быть въ Софійскомъ соборѣ при богослуженіи въ высокаторжественные дни. Старый Кіевъ тогда представлялъ изъ себя не городъ, а деревню съ кривыми и тѣсными улицами, безъ мостовыхъ и тротуаровъ и какого-либо освѣщенія, съ плетнями вмѣсто заборовъ, съ дворами, въ которыхъ видны были маленькіе домики, покрытые шалевкой и дранью, и сарайчики, покрытые соломой, которые принадлежали частію причетникамъ, діаконамъ и священникамъ Софійскаго собора и 3-хъ приходскихъ Старокіевскихъ церквей, частію мелкимъ чиновникамъ и отставнымъ солдатамъ. Начинаясь съ Андреевской церкви, Старый городъ оканчивался, какъ и во дни Ярослава, *Золотыми* и *Львовскими воротами* на Западной сторонѣ. Со всѣхъ сторонъ его окружалъ валъ, который шелъ отъ Андреевской церкви къ Трехсвятительской и обогнувъ ее, направлялся косою линіей предъ нынѣшними присутственными мѣстами около Софійской площади по южной сторонѣ Владимірской улицы къ Золотымъ воротамъ. Отъ той же Андреевской церкви другая кѣтвь вала направлялась сзади Десятинной церкви по сѣверной окраинѣ Старого города къ нынѣшней Львовской или Сѣнной площади, на которой находились два бастіона въ видѣ квадратовъ съ пустотой внутри, а въ проѣздѣ между ними висѣлъ шлагбаумъ и сбоку изба для военнаго караула; но часть вала по мѣстности сбоку Житомирской улицы была уже мало примѣтна. Это былъ такъ, называемый въ Актахъ „пробытый валъ“. Отъ Львовскихъ воротъ къ Золотымъ шелъ прямой линіей сплошной самый высокій валъ, поросшій съ городской стороны большими лѣсными деревьями. Отъ Золотыхъ воротъ по южной сторонѣ горы онъ продолжался, сзади Михайловскаго и Приинискаго переулковъ, къ востоку, проходя въ нижнемъ концѣ Софійской и Михай-

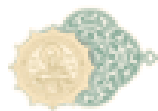
ловской улицѣ на гору по нынѣшней Костельной улицѣ и, пройдя вокругъ Михайловскаго монастыря, соединился, на углу нынѣшняго Реальнаго училища, съ валомъ, окружавшимъ церковь св. Василия, но такъ, что между концами валовъ оставался ровъ, которымъ по Боричеву пѣшеходы спускались на Подоль. Отсюда, т. е. съ площади, что предъ Реальнымъ училищемъ, шли два вала—одинъ мимо Михайловской колокольни параллельно оградѣ Михайловскаго монастыря, оставляя небольшой проѣздъ въ монастырскій дворъ, а другой—проходилъ ломаною линіей предъ зданіемъ нынѣшнихъ Присутственныхъ мѣстъ, сзади бывшей Троицкой церкви—черезъ Софійскую улицу, мимо ограды Софійской и, сзади Ирининскаго столба, на юго-западъ на Прорѣзаную улицу, гдѣ соединился съ валомъ, шедшимъ влѣзъ отъ Золотыхъ воротъ. По обѣ стороны Золотыхъ и Львовскихъ воротъ выступали земляные бастионы. Сверхъ того были въ валахъ проѣзжія ворота—на Крещатикѣ, въ концѣ Софійской улицы, гдѣ стоялъ шлагбаумъ и крытая соломой караульня, на углу Михайловской ограды и подлѣ Андреевской церкви. Передъ валами, бывшими на линіи нынѣшней Подвальной улицы, былъ довольно глубокій ровъ, а за нимъ—*ретрашементъ*.

Ретрашементомъ была сведена вся прилегающая къ Львовской улицѣ нагорная мѣстность; начинался онъ отъ южнаго бастиона Львовскихъ воротъ по нынѣшней Бульварно-Кудрявской улицѣ, окружалъ Обсерваторную гору, потомъ ломаною линією направлялся по сѣверной сторонѣ горы на востокъ, прерываясь 3-мя оврагами, и потомъ возвращался назадъ, оканчиваясь въ началѣ Вознесенскаго спуска. Другой ретрашементъ начинался по нынѣшней Прорѣзной улицѣ, проходилъ черезъ Крещатикъ и, поднявшись на Лютеранскую гору, проходилъ, по окраинѣ Липокъ, черезъ нижнюю часть Кловскаго оврага, потомъ направлялся на Печерскую гору сзади Военнаго госпиталя, мимо Прозоровской

башни и Навод. спуска и оканчивался у Васильковскихъ воротъ Печерской крѣпости.

Вся мѣстность за Золотыми воротами—до самой Лыбеди—была полемъ, на которомъ росли кустарники плоду и шипины и паслись городскія коровы, а на овраги, на которыхъ теперь Ботаническій садъ, сваливался навозъ и городскія нечистоты. На усадьбѣ, занимаемой нынѣ Университетомъ св. Владимира, стоялъ большой сарай подъ соломенной крышей, въ которомъ помѣщался провіантскій магазинъ. За Львовскими воротами было нѣсколько хатокъ подлѣ Старо-Кіевского кладбища, на которомъ нынѣ Вознесенская церковь. Крещатицкая улица была застроена только до дома нынѣшней почтовой конторы, въ которой тогда помѣщались вѣнные склады 1-й Арміи. За этимъ домомъ не было никакихъ ни домовъ, ни избъ; а застроенная уже часть Крещатика состояла изъ одноэтажныхъ деревянныхъ домовъ; не былъ застроенъ даже тотъ уголъ, на которомъ нынѣ Дворянскій домъ. Въ началѣ Крещатика, гдѣ нынѣ Европейская гостинница, стояло деревянное зданіе городского театра и противъ него на углу—городской домъ съ балконами и колоннами, который, по отстройкѣ театра, предоставленъ былъ городомъ въ пользованіе сторожей театра. Рядомъ съ этимъ домомъ, противъ царскаго сада, отстроенъ на каменномъ полуэтажѣ деревянный домъ съ колоннами, въ которомъ въ 1835 г. открыта была 2-я Кіевская гимназія.

Внутри Старога Кіева нѣтъ теперь уже ни одного изъ домовъ, бывшихъ здѣсь въ 1833 году; остались въ прежнемъ видѣ Софійскій соборъ, Михайловскій монастырь и Андреевская церковь. Десятинная церковь была тогда возведена лишь по окна; Троицкая и Златоустовская деревянныя церкви, изъ коихъ 1-я стояла на углу Десятинной и Большой Житомирской улицъ, а послѣдняя противъ юго-западнаго угла Присутственныхъ мѣстъ, сломаны въ 1850—1865

годахъ. Изъ улицъ сохранили прежнее положеніе Софійская, Михайловская и Трехсвятительская; Житомирская раздѣлилась на двѣ—Большую и Малую Житомирскую. Вновь проложена Владимірская. Ни Софійской, ни Михайловской площадей, ни скверовъ около нихъ тогда не существовало. Софійская площадь была занята конюшеннымъ митрополичьимъ дворомъ, среди котораго были колодезь, а на окраинѣ, противъ колокольни, два дома, изъ коихъ одинъ—противъ Софійской колокольни—для смотрителя, а другой—къ оградѣ—для конюшенныхъ служителей; далѣе—кузницы, амбары и прочее. Между Софійской оградой и оградой конюшеннаго двора проходила ломанная, соответственно Софійской оградѣ, тѣсная улица, направлявшаяся мимо Златоустовской церкви къ Андреевской церкви. Трудно было пробраться по ней въ осеннее время къ Софійскому собору, утопая въ глинистой грязи. Не большей величины была улица и на южной сторонѣ Софійской ограды, которая служила соединеніемъ Софійской улицы съ Золотоворотскою. Валъ противъ нея уже былъ отчасти срученъ въ оврагъ, называемый нынѣ *Козье-Болотной* улицей, и на остаткахъ его въ торжественные дни становились цушки для производства 101 выстрѣла послѣ молебствія въ Софійскомъ соборѣ.

Въ Михайловскій монастырь отъ Софійскаго собора нужно было пробираться нѣсколькими кривыми улицами чрезъ попечерскій валъ къ проѣзду на Трехсвятительской улицѣ. Софійскій конюшенный дворъ сломанъ уже около 1840 года, на мѣстѣ его образована площадь и проложена прямая отъ нея улица къ Михайловскому монастырю, со снятіемъ бывшаго предъ нимъ вала. Но окончательная рас-планировка стараго города совершилась уже въ 1856—1860 г. по случаю постройки новыхъ зданій для Губернскихъ Присутственныхъ мѣстъ.—На Трехсвятительской улицѣ не было никакихъ домовъ ни съ правой, ни съ лѣвой ея стороны, кромѣ дома священника Вас. церкви и нѣсколькихъ хатокъ

противъ нея въ проулокѣ сзади Реального училища. Обширный пустырь отъ сего переулка къ Десятинной церкви отданъ безмездно строителю сей церкви, помѣщику Анненкову, построившему и для себя домъ деревянный съ колокольнею—противъ Десятинной церкви.—По Андреевскому спуску также не было домовъ до поворота на *Гончарн*, кромѣ одного домика на восточной сторонѣ.—Мѣстность къ югу отъ Ирининскаго столба, гдѣ нынѣ Ирининскій и Михайловскій проулокъ, была пустыремъ, на которомъ росли сливы и стояло нѣсколько не огороженныхъ хатокъ. Всю южную сторону Золотоворотской улицы занималъ большой орѣховый садъ *Турчаниновой* съ большимъ деревяннымъ домомъ, въ которомъ жилъ, по увольненіи на покой, и скончался митрополитъ Кіевскій Серапіонъ.

Съ 1833 года началось переселеніе жителей Печерска сначала на побережье Лыбеди, а затѣмъ на Крещатикъ и на склонъ Старо-Кіевской горы къ Лыбеди. Этому способствовали во 1-хъ разореніе Печерска для постройки печерской крѣпости, закрытіе польскихъ учебныхъ заведеній юго-западнаго края, послѣ котораго стали наполняться Кіевскія учебныя заведенія—гимназіи и дворянскія училища,—открытіе Университета въ Кіевѣ съ устройствомъ...

† Протоіерей Петръ Лебединцевъ.